

Оглавление

Россия на переломе глазами дипломата	7
Памяти кн. Г. Н. Трубецкого	21
Облики прошлого	23
Семья моего отца	26
Семья моей матери	40
Дядя Сережа	51
Мои родители	72
Папá	73
Мамá	79
Калуга	88
Наши друзья	102
Гимназия	114
Калужское общество	116
Сергиевское	121
Брат Сережа	124
Москва. Пресня	131
Московский университет (1892–1896 годы)	163
Старый Восток (Отрывки воспоминаний)	201
I	201
II	205
III	209
Русская дипломатия 1914–1917 годов и война на Балканах	215
Глава I	217
Глава II	234
Глава III	252
Глава IV	259
Глава V	266
Глава VI	275
Глава VII	280
Глава VIII	283
Глава IX	289
Глава X	293
Глава XI	306
Глава XII	314
Глава XIII	330
Глава XIV	341
Глава XV	348
Глава XVI	363

Глава XVII	379
Глава XVIII	393
Глава XIX	405
Глава XX	412
Приложение	435
Годы смут и надежд	439
Глава I. Выборы патриарха	441
Глава II. Создание Добровольческой армии	447
Глава III. Поездка в Москву и в Сергиевское	470
Глава IV. Москва	492
Глава V. Украина	509
Глава VI. Письмо Милюкова	526
Глава VII. Дон. Атаман Краснов	540
Глава VIII. Кубань. Екатеринодар	547
Глава IX. Крым. Великий князь Николай Николаевич	554
Глава X. Екатеринодар. Генерал Деникин и «союзники»	563
Глава XI. Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и представителей французского командования	577
Часть 1	577
Часть 2: эвакуация Одессы	603
Часть 3: эвакуация Севастополя	613
Глава XII. Екатеринодар. Ставропольский собор	624
Послесловие М. Г. Трубецкого	637
Красная Россия и Святая Русь	639
О книге князя Трубецкого	641
О князе Г. Н. Трубецком	643
I	645
II	647
III	649
IV	655
V	659
VI	663
VII	664
VIII	666
IX	668
X	675
Примечания.....	687
Именной указатель.....	727

Россия на переломе глазами дипломата

Выход в России полных мемуаров князя Григория Николаевича Трубецкого — событие, переоценить которое невозможно. Блестящий русский дипломат, талантливый публицист и общественный деятель, член подпольной антибольшевистской организации, член белого правительства, активный участник православного движения... Все это об одном и том же человеке. Если бы он проявил свои таланты лишь на одном из этих поприщ, то этого уже было бы достаточно, чтобы заинтересоваться его мемуарами! Впечатления и оценка непосредственного свидетеля и участника событий, потрясших Россию (и весь мир) на переломе эпох — в конце XIX — начале XX века — бесценны. А если к этому добавить, что в князе Трубецком счастливо сочетались административный талант государственного деятеля, пытливый ум высокообразованного человека, крепкая вера в Бога и блестящее владение русским языком, то можно понять, почему представленные в этой книге мемуары занимают особое место среди литературы, которую в России не совсем правильно принято называть эмигрантской.

Когда почти 40 лет назад, в 1981 году, в Канаде сын Григория Николаевича готовил к изданию одну из частей данной книги («Годы смут и надежд»), он обратился к русскому писателю и мыслителю Александру Исаевичу Солженицину с просьбой написать небольшое вступление. И сегодня мы должны признать: в такой короткой заметке сложно настолько четко дать характеристику воспоминаниям. Александр Исаевич написал: *«Все воспоминания Вашего отца всегда очень интересно читаются, и так же читал я нынешнюю рукопись. <...> Записки, написанные временно, в 1919, часть документов 1918, — очень высокой ценности. Первичная добротность изложения видного деятеля того времени. Как свойственно Григорию Николаевичу — высокий уровень понимания и изложения проблем, четкая политическая и бытовая обстановка, четкие образы исторических деятелей. Много дают для общего понимания гражданской войны, Добровольческой армии, казачества, союзников и чудесные картинки помещичьего быта 1918 года. С изданием этих записок уже опоздано на 60 лет, и я желал бы ему успеха»*¹.

¹ Трубецкой Г. Н. Годы смут и надежд. 1917–1919 гг. Монреаль, 1981. С. 5. — Здесь и далее примечания автора статьи, если не указано иное.

Было бы некорректно со стороны издательства опустить и помещенное в той же книге вступление «От издательства», которое было написано сыном князя Трубецкого Михаилом Григорьевичем. Оно не было помещено в основной текст, поскольку несколько выбивалось из общего стиля, но ничто не мешает привести его здесь, во вступлении, прежде чем перейти непосредственно к личности Г. Н. Трубецкого.

«Согласно традициям мемуары или воспоминания публикуются либо при жизни автора, либо 100 лет спустя. Но за это время столько произошло бурных перемен в жизни рядового человека в любой стране мира, что наш век может быть свободно удвоен.

Иначе говоря, 60 лет, которые нас отделяют от этих воспоминаний, спокойно могут считаться столетней давностью.

Я очень благодарен А. И. Солженицыну за его предисловие. Оно доказывает, что как бы нас не делили на три волны, — мы все же дети того же народа.

Записки моего отца начинаются с ноября 1917 года. В это время происходили выборы патриарха, в которых мой отец принимал деятельное участие, и его речь в Соборе была решительной для восстановления патриаршего престола.

Ввиду этого я дополняю его воспоминания о Добровольческой армии его речью в Соборе и прилагаю маленькую статью, написанную им уже в 1924 году, о том, как эти выборы происходили.

Иногда в газетах появляются статьи об ужасном и недопустимом отношении Франции к Добровольческой армии. Об этих отношениях пишет и мой отец, вопрос, который дополняется брошюрой, изданной “совершенно секретно” в Екатеринодаре в мае 1919 года: “Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и представителей французского командования”. Очерк предназначался для членов Особого совещания, и экземпляр моего отца, возможно, является единственным уцелевшим.

Не может русский человек его прочесть без великого негодования и возмущения. Этот очерк является очень ценным историческим документом. Ввиду этого я его перепечатаю, как и другие документы, точно так, как они были написаны, с сохранением старой орфографии, в то время как воспоминания моего отца были, к сожалению, уже перепечатаны по новой орфографии. В данное время все издательства “затоварены” и новые книги издаются с трудом. Поэтому я решил приняться за дело самостоятельно и восстановить в память моего отца книгоиздательство “Русь”, которое было им основано в Вене, в 1921 году, для выпуска на русском языке книги П. Жильяра: “Император Николай II и его семья”»¹.

Особенность полного издания воспоминаний Г. Н. Трубецкого в том, что они охватывают чрезвычайно обширный период и посвящены практически всей жизни мемуариста. Первая часть, которая носит название «Облики прошлого» и никогда ранее не публиковалась полностью (лишь несколько неболь-

¹ Там же. С. 9–10.

ших отрывков), посвящена семье Трубецкого, его родителям и многочисленным родственникам, а также его жизни и работе на дипломатической службе до первых лет нового XX века. Эти записки являются одним из лучших примеров отечественной «мирной» мемуаристики, то есть посвященной не периоду мировых катаклизмов, а мирной жизни России в последнее царствование.

Вторая часть, как следует из названия «Русская дипломатия 1914–1917 годов и война на Балканах», освящает события, в которых Трубецкой непосредственно участвовал, будучи посланником в Белграде. Она особенно интересна тем, что, с одной стороны, автор описывает сложную дипломатическую ситуацию, сложившуюся вокруг Сербии, и предпринимаемые для ее разрешения шаги, а с другой, как очевидец рассказывает об одном из наиболее трагических событий в истории сербского народа и сербской армии, — отступления в 1915 году и эвакуации на остров Корфу. Эта книга была издана в Канаде^I, однако при подготовке данного издания использовалась не она, а машинописный текст, хранящийся в архиве потомков Г. Н. Трубецкого.

Своеобразным продолжением служит третья книга мемуаров «Годы смут и надежд», как уже говорилось выше, также увидевшая свет в Канаде (для подготовки этого издания также была использована оригинальная рукопись мемуаров). Она посвящена печальным событиям «года русской катастрофы» и последующим событиям: здесь и выборы патриарха, в чем Трубецкой принимал непосредственное участие, и создание Добровольческой армии, и работа в московском подполье, и белый Юг России — Кубань и Крым.

Наконец, последнюю часть составляет книга Трубецкого «Красная Россия и Святая Русь»^{II}, написанная им в 1922 году. И хотя это не в прямом смысле слова мемуары, она как нельзя лучше подходит для того, чтобы завершить том воспоминаний. Это своего рода размышления о судьбе России, о судьбе православия и Православной церкви и вообще христианства. Это своеобразное завещание князя Трубецкого, его обращение к потомкам.

* * *

Григорий Николаевич Трубецкой родился 14 (26) сентября 1873 года^{III} в имении Ахтырка Митинской волости Дмитровского уезда Московской губернии^{IV}. Поместье, получившее свое название по церкви Ахтырской иконы

^I Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983.

^{II} Трубецкой Г. Н. Красная Россия и Святая Русь. Париж, 1931.

^{III} Эту дату дает Большая российская энциклопедия (См. БРЭ [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4205661; дата обращения: 20 сентября 2019 года) и составленный по некрологам справочник: Незабываемые могилы. Русское зарубежье: некрологи 1917–2001. Т. 6. Кн. 2. М., 2006. С. 475. В то же время достаточно часто в отечественных публикациях можно встретить дату 17 (29) сентября (без ссылки на источник), а в зарубежных, вообще, 5 сентября (17 сентября).

^{IV} Ныне деревня (в составе городского поселения Хотьково) Сергиево-Посадского района Московской области.

Божией Матери, принадлежала князьям Трубецким со 2-й четверти XVIII века, когда президент Юстиц-коллегии и камергер князь Иван Юрьевич Трубецкой Меньшой (1703–1744) приобрел ее у Василия Никитича Татищева. В 1820-х годах прадед автора воспоминаний князь Иван Николаевич Трубецкой (1766–1844) возвел здесь, на берегу реки Воря, большую усадьбу в стиле московского ампира (архитектор, предположительно, Д. Жилярди), новый камерный храм, а также множество хозяйственных построек.

Усадебный дом в Ахтырке подробно описал Н. Я. Тихомиров: «Двухэтажный корпус главного дома объединялся галереями с одноэтажными флигелями. Центральная часть здания, увенчанная большим куполом, со стороны парадного двора была обработана торжественным шестиколонным портиком ионического ордера, которому с противоположной стороны, обращенной к пруду и парку, отвечала полукруглая колоннада с обширной террасой и балконом над ней. Порттики боковых флигелей завершались парапетами. Помимо монументальных, простых и строгих в пропорциях основных архитектурных масс, дом привлекал внимание и своей лепниной, которая раньше не так часто встречалась на фасадах жилых зданий XVIII века. Лепной фриз узкой полосой обрамлял карниз портика и полуротонды, лепной герб Трубецких, увитый лентами, заполнял поле фронтона, лепные венки украшали стены над окнами первого этажа, а барельефные медальоны с гирляндами и факелами, помещенными на стене за торжественной колоннадой, завершали убранство центральной части дома. Каждому декоративному пятну здесь было найдено свое место, все было строго уравновешено и композиционно закончено»¹. Ахтырка перешла деду автора воспоминаний князю Петру Ивановичу в 1852 году, после смерти его матери Натальи Сергеевны, урожденной княжны Мещерской. С тех пор усадьба стала главной резиденцией ветви рода Трубецких, идущей от Ивана Юрьевича.

Род Трубецких был древним и славным: они вели свою историю от удельного князя Брянского и князя Стародубского и Трубчевского Дмитрия Ольгердовича (конец XIV века), внука великого князя Литовского Гедимина. Его потомки до 1566 года правили Трубчевским удельным княжеством, от названия которого, собственно, и получили свою фамилию. Потомки Гедимина — Гедиминовичи — играли в России большую роль, в ряде случаев обходили по службе и знатности самих Рюриковичей, особенно представителей младших ветвей удельных княжеских родов. Их фамилии были у всех на слуху: Трубецкие, Голицыны, Куракины, Хованский, Чарторыйские...

Князь Петр Иванович Трубецкой — генерал от кавалерии и сенатор — был женат на дочери генерал-фельдмаршала князя П. Х. Витгенштейна и имел обширную семью: у четы родилось пятеро сыновей и три дочери. При чем Ахтырка досталась третьему сыну — Николаю, отцу автора мемуаров.

¹ Тихомиров Н. Я. Архитектура подмосковных усадеб. М., 1955. С. 268.

Князь Николай Петрович родился 3 октября 1828 года, прожил 71 год и скончался 19 июля 1900-го тайным советником, почетным опекуном Московского присутствия Опекунского совета ведомства учреждений императрицы Марии, управляющим московской больницы императора Павла I и членом Совета Елисаветинского института по хозяйственной части. В мемуарах «Облики прошлого» Григорий Трубецкой подробно останавливается на личности отца, матери и других своих родственников — а их у него было очень много. Николай Петрович был человеком хорошо образованным (у него за плечами был Пажеский корпус), много занимался самообразованием, много сделал для развития музыки в России, был известным меценатом, занимался благотворительностью — в общем был милейшим человеком. Но, конечно же, у него не было предпринимательской жилки: часть состояния он потратил на благотворительность, часть — на содержание многочисленной семьи. Приходилось ему поддерживать еще и родственников: один брат уехал в Италию и там стал двоеженцем, другой крупно играл в карты. В конце концов, родовое гнездо — Ахтырку — пришлось продать¹¹.

Николай Петрович был женат дважды и имел от двух жен двенадцать детей (позже у него родились 30 внуков и 23 внучки). Все они являются действующими лицами «Осколков прошлого», и поэтому необходимо о них кратко упомянуть, прежде чем остановиться на личности самого Григория Трубецкого.

В 1853 году князь женился на своей ровеснице Любове, дочери лихо-го казачьего генерала графа Василия Васильевича Орлова-Денисова. У супругов родилось трое детей (на следующий день после родов дочери Марии 25 февраля 1860 года княгиня Любовь Васильевна скончалась):

— Софья (16 ноября 1853 — 27 сентября 1930), мужем которой был известный октябрист, член Государственного совета по выборам от съезда землевладельцев Ставропольской губернии Владимир Петрович Глебов (1850–1926); у них родилось четыре сына и четыре дочери;

— Петр (5 ноября 1858 — 4 октября 1911), егермейстер и Московский губернский предводитель дворянства (1892–1906); от брака с княжной Александрой Владимировной Оболенской (1861–1939) он имел двух сыновей и четырех дочерей;

— Мария (24 февраля 1860 — 29 марта 1926), которая вышла замуж за Григория Ивановича Кристи (1856–1911), тайного советника и егермейстера, Московского губернатора (1902–1905) и сенатора (с 1905); у них родилось три сына и одна дочь.

¹ Ныне это 4-я городская клиническая больница Департамента здравоохранения города Москвы.

¹¹ В годы советской власти усадьба Трубецких была практически полностью уничтожена: в 1922 г. сгорел господский дом, постепенно пришли в негодность и были разобраны хозяйственные постройки, в 1937 г. закрыли церковь.

Вторым браком князь Трубецкой женился в 1861 году на Софии Алексеевне (1841–1901), представительнице чрезвычайно разветвленного рода Лопухиных. У ее отца, действительного статского советника и камергера Алексея Александровича Лопухина (1813–1872) было три сына и четыре дочери. От второго брака Николай Петрович имел девятерых детей¹:

— Сергей (23 июля 1862 — 29 сентября 1905), известный философ, статский советник, профессор и ректор Московского университета; от брака с княжной Прасковьей Владимировной Оболенской (1860–1914) он имел дочь и двух сыновей;

— Евгений (23 сентября 1863 — 5 февраля 1920), также философ и публицист, профессор Московского университета, член Государственного совета по выборам от Калужского губернского земства; от брака с княжной Верой Александровной Щербатовой (1867–1942) он имел дочь и двух сыновей;

— Антонина (1 сентября 1864 — 4 марта 1901), которая вышла замуж за Федора Дмитриевича Самарина (1858–1916), члена Государственного совета по выборам от дворянских обществ; у них родились сын и трое дочерей;

— Елизавета (15 августа 1865 — 4 августа 1935), ставшая женой Михаила Михайловича Осоргина (1861–1939), действительного статского советника в звании камергера, Тульского губернатора (1905–1907); у них родились три сына и четыре дочери;

— Ольга (8 мая 1867 — 12 января 1947);

— Варвара (25 июля 1870 — 6 июля 1933), которая была замужем за Геннадием Геннадиевичем Лермонтовым (1865–1908), дипломатом, камерюнкером, 1-м секретарем Российского посольства в Риме (1906–1908); у них родились два сына и дочь;

— Александра (18 апреля 1872 — 1 сентября 1925), вышедшая замуж за Михаила Федоровича Черткова (1878–1945); у них родился один сын;

— Григорий, автор представленных здесь мемуаров;

— Марина (29 августа 1877 — 14 августа 1924), которая состояла в браке с князем Николаем Викторовичем Гагариным (1873–1925); у них родилось четыре сына и четыре дочери.

Таким образом, Григорий был одним из самых младших детей в этой большой семье. Поэтому первые его детские воспоминания связаны не с Ахтыркой, а уже с Калугой, куда его отец уехал вице-губернатором, когда Григорию было всего три года. Там он провел счастливые детские годы до 1886-го, то есть до 13 лет. В «Обликах прошлого» автор подробно останавливается на особенностях жизни их семьи, а также подробно описывает места их проживания: дом Квасникова, дом Кологривова, губернаторскую дачу в Загородном саду и др. Из Калуги Трубецкие переехали в Москву, поскольку глава семьи

¹ Еще одна дочь, Маргарита, родилась 13 июля 1868 г. и на следующий день скончалась.

получил назначение в Опекунский совет. Правда, срок исполнения Николею Петровичем обязанностей вице-губернатора истек в конце сентября 1886 года, а в Москву они прибыли только летом 1887-го года (Григорий Трубецкой подробно описывает, как они до этого гостили в имении у М. М. Осоргина). Трубецкие поселились в квартире в бельэтаже в доме князя Николая Сергеевича Оболенского на Кудринской улице. Ближе всего, на углу Большой Молчановки и Поварской, располагалась 5-я Московская классическая гимназия¹, в которой учился Григорий. Тем более что гимназия была на хорошем счету, там было очень серьезно поставлено изучение древних, а также иностранных языков. О том, что преподаватель был достаточно сильный, говорит, например, тот факт, что ее директором состоял действительный статский советник филолог и преподаватель греческого Александр Николаевич Шварц, будущий министр народного просвещения, а историю и географию преподавал статский советник Михаил Иванович Владиславлев, до этого занимавший пост ректора Санкт-Петербургского университета.

Приведенные в данной книге воспоминания Трубецкого фактически являются лучшей его биографией, поскольку исходят из первоисточника, в связи с этим нет никакой необходимости подробно останавливаться на этапах его жизни в предисловии. Вполне достаточно конспективно проследить дальнейший путь Григория Николаевича.

Итак, осенью 1892 года Григорий поступил на историко-филологический факультет Московского университета, в своих записках он подробно разбирает и оценивает преподавательский состав, а слушать лекции ему довелось у таких известных профессоров, как П. Г. Виноградов, В. И. Герье, В. О. Ключевский, Ф. Е. Корш. В конце учебы он успешно защитил кандидатскую работу: *«Я избрал темой своего кандидатского сочинения историю положения 19 февраля 1861 года об освобождении крестьян от крепостного права»*^{II}.

Выбор места будущей службы, как пишет сам мемуарист, *«вопрос трудный для птенца, росшего в теплом родительском гнезде и не знавшем жизни»*^{III}. Но надо иметь в виду, что в Российской империи, как и в чиновном мире, очень многое держалось на личных связях: *«Ну как не порадеть родному человеку!»*, по словам Фамусова. А уж для столь многочисленной семьи Трубецких-Лопухиных нужные связи должны были найтись. Так и получилось: сестра матери князя Григория Эмилия Лопухина в свое время вышла замуж за графа Павла Алексеевича Капниста, позже ставшего попечителем Московского учебного округа, который таким образом приходился молодому выпускнику дядей. У графа было несколько братьев, один из которых, граф Дмитрий

^I В 1920-х гг. на базе 5-й гимназии и в ее здании была открыта школа № 91, старое здание было снесено в 1950-х гг., а рядом выстроено в 1956 г. новое, которое существует и по сей день.

^{II} См. с. 166 данной книги.

^{III} См. с. 189 данной книги.

Алексеевич, был хорошо знаком с семьей Трубецких. Он как раз с 1891 года занимал пост директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел, и посоветовал молодому человеку поступить на службу в его ведомство. Сам Трубецкой отмечает: «Вступление в Азиатский департамент связывалось для меня с перспективой службы в Константинополе и за границей. Я имел об этом скорее смутное представление, но сама неизвестность казалась заманчивой, интересной»^I. Григорий подал соответствующее прошение, каких-либо возражений не нашлось: молодой человек с хорошим образованием, князь, Гедеминович, да еще и родственник своего будущего начальника. В октябре 1896 года Трубецкой был зачислен на службу в Азиатский департамент. Ему предстоял переезд в столицу империи, Санкт-Петербург.

Однако тем не менее для службы во внешнеполитическом ведомстве молодые люди проходили серьезный отбор, одним из элементов которого была сдача специального дипломатического экзамена: иностранные языки (французский, английский, немецкий), знание международного права, истории дипломатии и др. Трубецкой в декабре того же года экзамен успешно сдал, став полноправным сотрудником Азиатского департамента.

В январе 1897 года граф Капнист оставил работу в министерстве (он был назначен сенатором), однако какое-то влияние у него оставалось, и он его задействовал, чтобы отправить Трубецкого за границу. К тому же в судьбе Григория приняли участие баронесса М. П. Будберг, урожденная Убри, дочь и жена крупных дипломатов, а кроме того, бабушка князя Николая Гагарина, женатого на сестре Григория Трубецкого... В общем, в марте 1897 года «открылась должность причисленного к посольству секретаря консульства в Ускюбе»^{II}. — Фактически назначенный на эту должность не ехал в Ускюб, но оставался в Константинополе и причислялся к посольству»^{III}.

В Константинополе Трубецкой провел примерно шесть лет: сначала он занимал должность помощника секретаря посольства, а с 1901 года — 2-го секретаря. Как отмечает в своей статье Ю. А. Писарев^{IV}, Трубецкой занимался не только своими непосредственными обязанностями, но много времени уделял самообразованию: он выучил новогреческий и турецкий, а позже еще сербский и болгарский языки.

Во время службы в Константинополе изменилось семейное положение Трубецкого. Во время своего пребывания в Москве 28 апреля 1901 года в храме Спаса Преображения на Бору состоялось бракосочетание князя Григория и Марии Константиновны (23 февраля 1881 — 30 октября 1943), дочери

^I Там же.

^{II} Скопье — город, ныне столица Северной Македонии.

^{III} См. с. 201 данной книги.

^{IV} Писарев Ю. А. Русский дипломат князь Г. Н. Трубецкой о начале Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1990. № 5.

графа Константина Аполлинариевича Хрептовича-Бутенёва. Как вспоминал Осоргин: «Гриша стал женихом Маши Бутеновой. Она ему до того отказала, а потом, тронутая его несчастьем при кончине матери, сама, при посредстве общего их дяди Сергея Алексеевича Лопухина, вызвала его и дала ему слово»¹. В браке у Трубецких за 10 лет родилось шесть сыновей:

- Константин (7 марта 1902, Москва — 17 апреля 1920, Перекоп, Крым);
- Николай (9 сентября 1903, Константинополь — 9 ноября 1961, Монреаль, Канада);
- Михаил Григорьевич (13 мая 1905, Константинополь — 1989, Монреаль, Канада);
- Сергей Григорьевич (15 декабря 1906, Москва — 26 октября 2003, Нью-Йорк, США);
- Петр Григорьевич (2 января 1910, Москва — 28 октября 1966, Франция);
- Григорий Григорьевич (родился и умер в 1912).

В историю князь Григорий Николаевич вошел, прежде всего, как дипломат и как светский деятель Православной церкви, но его личность была настолько многогранной, что он не мог ограничиться только этими областями приложения своих знаний. Обремененный семьей, он решил кардинально изменить свою жизнь и осенью 1905 года оставил службу во внешнеполитическом ведомстве. Это его решение было связано в том числе и с трагическими событиями в семье Трубецких: в конце сентября на приеме у министра народного просвещения скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг старший брат Григория профессор Московского университета князь Сергей Трубецкой. Именно с Сергеем другой его брат — Евгений — в это время как раз готовился начать издание нового общественно-политического журнала, уже фактически были найдены деньги на издание: их обещала дать известная московская меценатка, представительница богатейших купеческих фамилий Маргарита Кирилловна Морозова, урожденная Мамонтова. Евгению теперь настоятельно требовался помощник, им то и стал князь Григорий.

Новое издание, получившее пока ничего не говорящее название «Московский еженедельник», было, как было модно в середине 1910-х годов, либерального толка, в противном случае интерес к нему «образованного общества» был бы довольно низок. Но авторитет Евгения Трубецкого сыграл свою роль, и либеральная общественность крайне тепло приветствовала выход нового журнала. Кроме, собственно, Евгения Трубецкого, редакционная статья которого открывала каждый номер журнала, а также князя Григория, который не только сосредоточился на редактировании текстов, но сам оказался не чужд журналистике, в издании стали активно публиковаться такие известные в то

¹ Осоргин М. М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861–1920. М., 2009. С. 553.

время либералы, как: Николай Астров, Николай Львов, Петр Струве, Сергей Булгаков и другие. Таким образом, журнал, который позже назовут неофициальным органом Партии мирного обновления, находился на правом фланге либерального политического спектра, занимая позицию левее октябристов, но правее кадетов. Как аккуратно будут писать эмигрантские источники, князь Григорий Николаевич участвовал в издании журнала, «стремившегося найти творческий синтез между русской государственностью и интеллигентской мыслью. Не примыкая всецело ни к правительству, ни к оппозиции, “Московский еженедельник” приобрел в свое время значительный нравственный авторитет»^I.

Постепенно Григорий Николаевич стал больше внимания уделять не журналу, а новому увлечению: уже в 1908 году он совершил длительную — почти четырехмесячную — поездку на Балканы, вновь увлекшись вопросами международной политики. По ее результатам он опубликовал ряд статей, среди которых особенно выделялась «Россия как великая держава»^{II}, датированная им 17 октября 1910 года. Ее он завершил словами: «На полях Маньчжурии наши солдаты показали, как и в старину, свою способность умирать; от нас требуется теперь другая способность — умение жить и устраивать жизнь нашего отечества. В этом уменье заключается разгадка всех наших проблем — подъема просвещения и производительности, внутренней и внешней политики, государственной обороны, словом всего того, что для нас определяется одним общим лозунгом: Великая Россия»^{III}. Статья имела большой успех и даже была переведена на несколько языков.

К этому времени «Московский еженедельник» благополучно приказал долго жить, а его вдохновитель князь Евгений Трубецкой в следующем году в числе 130 университетских профессоров подал прошение об отставке в знак протеста против увольнения трех коллег Министерством народного просвещения^{IV} и уехал в Медынский уезд Калужской губернии, в имение Бегичево. Григорий Николаевич остался в Москве без какого-либо определенного занятия и теперь получил известность как эксперт по внешней политике и славянскому миру, критиковавший действия правительства с точки зрения национальных интересов Российской империи.

Как уже говорилось выше в чиновном мире Российской империи и Санкт-Петербурга в целом, а в Министерстве иностранных дел в частности, личные связи играли колоссальную роль. И вновь они оказали влияние на дальнейшую карьеру Трубецкого. Дело состояло в том, что еще в детские годы,

^I Ольденбург С. С. Памяти князя Г. Н. Трубецкого // Россия и Славянство. 11 января 1930.

^{II} См.: Великая Россия: сборник статей по военным и общественным вопросам / ред.-изд. В. П. Рябушинский. М., 1910. С. 21–137.

^{III} Там же. С. 137.

^{IV} К удивлению профессуры министр Л. А. Кассо на попятную не пошел и прошение об отставке подписал.

во время пребывания в Калуге, он познакомился с сыном и дочерью местного воинского начальника барона Фабиана Густавовича Шиллинга. Прошли годы и товарищ детских игр Трубецкого барон Маврикий (Мориц) Шиллинг стал статским советником и в 1911 году занял пост начальника Канцелярии министерства иностранных дел С. Д. Сазонова, став его особо доверенным лицом. Сам Григорий Николаевич вспоминал: «Шиллинг решил непременно вновь меня завлечь в дипломатическую карьеру, и я уверен, что это по его совету и настояниям, я получил от Сазонова предложение занять место начальника отдела Ближнего Востока Министерства иностранных дел. Это предложение, мною принятое, было поворотным этапом моей жизни, которым я считаю себя обязанным в значительной степени Шиллингу»^I. Вернее надо отметить, Трубецкой был принят курировать вопросы Ближнего Востока (и Балкан), а его пост официально именовался вице-директор 1-го (Азиатского) департамента Министерства иностранных дел (при том, что пост директора департамента был вакантным), при этом князь носил чин надворного советника и одновременно был назначен состоять в звании камергера. О своей деятельности и взаимоотношениях по службе с руководством Трубецкой подробно рассказывает в своих мемуарах, уделяя много внимания как личностям своих коллег, так и своей позиции. Можно лишь процитировать его слова, что: «Я отвык от служебной лямки, привык к независимости, и меня смущала перспектива подчинения и чиновничества»^{II}.

Наконец, при очередной реорганизации структуры Министерства иностранных дел князь Трубецкой был 1 июля 1914 года назначен советником (то есть начальником) 2-го (Ближневосточного) политического отдела. Он занимал в ведомстве несколько своеобразное и исключительное положение. Вот как его описывает хорошо знавший князя по службе управляющий Юрисконсультской части МИД барон Б. Э. Нольде: «Его новая роль не вызвала ни малейшего удивления, настолько этот москвич, “либерал” и конституционалист, в котором не было никаких следов петербургского чиновника, казался призванным, по праву и справедливости, взять в свои руки важный рычаг русской государственной машины [...] он сознательно принес в работу на государственном станке свои собственные, свободно выросшие мысли, свое собственное понимание русских государственных задач, мысли и понимание, которыми он никогда не поступился бы и которые ни при каких условиях он не принес бы в жертву никаким выгодам и никакой “карьере”. При малейшем конфликте между инерцией государственного аппарата и своей собственной внутренней свободой, он — все это знали — спокойно и вежливо ушел бы из петербургского служебного кабинета и уехал в Москву и в Васильевское»^{III}.

^I См. с. 104 настоящей книги.

^{II} См. с. 342 настоящей книги.

^{III} Нольде Б. Э. Кн. Г. Н. Трубецкой. 1873–1930 // Далекое и близкое. Исторические очерки. Париж, 1930. С. 226–227. (Электронную версию см.: URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/22483-nolde-b-e-daleкое-i-blizкое-istoricheskie-ocherki-parizh-1930>; (дата обращения: 2 декабря 2019 года).)

Впрочем, это назначение можно было рассматривать как временное, поскольку Сазонов еще до назначения уже рассматривал Трубецкого как желательную кандидатуру для представительства России за рубежом. Ему даже уже было предложено отправиться в Тегеран чрезвычайным министром и полномочным посланником при Персидском дворе, однако князь взял паузу: ему явно не очень нравилось подобное назначение, поскольку ближе ему был славянский мир, а не специфический азиатский. Вопрос, впрочем, решил сам по себе: во время предшествовавшего началу Первой мировой войны Июльского кризиса 10 июля 1914 года у русского чрезвычайного посланника и полномочного министра при дворе короля Сербии гофмейстер Николая Генриховича Гартвига во время беседы с австро-венгерским посланником генералом Гизлем фон Гизлингом не выдержало сердце. В результате обширного инфаркта он скончался. Место было предложено Трубецкому и он немедленно дал свое согласие и 13 июля назначение состоялось. Впрочем, Григорию Николаевичу пришлось задержаться в России: выехать он смог лишь в конце ноября 1914 года.

Во время Первой мировой войны на долю Трубецкого пришлось сложнейшие дипломатические переговоры и маневры, попытки привлечь на свою сторону Болгарию, он сопровождал сербскую армию и правительство в изгнание. Все эти события подробно описаны им в мемуарах, в части «Русская дипломатия 1914–1917 годов и война на Балканах», написанных по горячим следам (их князь закончил уже 25 января 1917 года). С марта 1916-го он находился в отпуске, успев получить свое последнее повышение по службе: 10 апреля 1916 года он был произведен в действительные статские советники.

1917-й год стал, с одной стороны, возвращением Трубецкого на государственную службу, а с другой — возможно, имевшей большее значения для князя, открыл для него новую сферу деятельности. Являясь с марта 1917 года временно исполняющим обязанности директора Дипломатической канцелярии при Верховном главнокомандующем¹, он принял активнейшее участие в работе Всероссийского поместного собора, членом которого он был избран от действующей армии, и сыграл важную роль в восстановлении в Русской православной церкви патриаршества. Хотя, конечно, религиозная тема не была новой для Трубецкого: он был глубоко верующим человеком и всегда принимал нужды Церкви близко к сердцу. Теперь его работы, в том числе и те, что были написаны в эмиграции, стали носить более ярко выраженный философский, религиозный и мировоззренческий характер. Русский философ Николай Арсеньев так писал о Трубецком: «*Веруйте в Свет, да будете сынами*

¹ В октябре планировалось назначить Трубецкого послом в Лондоне, однако назначение фактически так и не состоялось.

Света!” — вся жизнь князя Григория являлась осуществлением этих слов, она была свидетельством о Свете, которому он служил, о высшем Свете. Поэтому-то так очищались и укреплялись люди духовно от соприкосновения с ним. Это был светильник, горевший тихо и ровно, и вместе с тем светло и ярко, и не только в семье своей, но и для приходивших извне¹.

Князь Трубецкой не просто не остался в стороне от смутных времен, обрушившихся на Россию в 1917 году, от наступившей пятилетней Смуты, он принял самое активное участие в борьбе с властью, которую он считал богоборческой, противной сути русского народа и России. Свою позицию он никогда не скрывал и всячески обосновывал в своих работах, в том числе и в тех, что собраны в этой книге. В отличие от многих «общественных деятелей» уже в начале 1918 года покинувших Россию и писавших гневные статьи в тиши парижских кафе, Трубецкой уже в ноябре 1917 года вошел в состав подпольного антибольшевистского «Правого центра», став одним из наиболее деятельных его членов. По делам Центра он несколько раз съездил из Москвы в Петроград, и при этом успевал участвовать в заседаниях Поместного собора, выступать перед делегатами. Его авторитет постоянно рос и, как следствие, 8 декабря 1917 года он был избран заместителем члена Высшего церковного совета от мирян. Но в конце того же месяца Трубецкой покинул Москву и уехал на Дон, где разворачивалась антибольшевистская борьба. Оттуда ему пришлось вернуться в Москву за семьей, а затем вновь пробираться на Юг России. Перипетии жизни князя Трубецкого в годы Гражданской войны также подробно описаны им в мемуарах, вошедших в состав данного издания.

Теперь уже Трубецкой считался известным не только дипломатом и политиком, но и церковным деятелем. Его избрали товарищем председателя Юго-Восточного русского церковного собора (май 1918 года) — единственным мирянина, а затем он встал во главе им же созданного Временного управления по делам исповеданий (август 1918 года), став, таким образом, «обер-прокурором» в Особом совещании при главкоме Добровольческой армии. Сложно охватить все направления деятельности Трубецкого в годы Всероссийской смуты, одно лишь перечисление его постов и должностей поражает (не говоря уже о том, что за каждой из них стоит колоссальный объем деятельности): главноуполномоченный по делам беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, заместитель начальника и начальник Управления иностранных сношений в правительстве при бароне П. Н. Врангеле — последний министр иностранных дел Белой России...

А потом была эмиграция, где вновь блеснула звезда князя Трубецкого, ставшего заметной фигурой русского сообщества в Европе. В Вене он осно-

¹ Арсеньев Н. С. Памяти князя Г. Н. Трубецкого // Россия и Славянство. 18 января 1930.

вал издательство «Русь», и что показательно, первой книгой, выпущенной издательством, стала книга П. Жильяра «Император Николай II и его семья»...

Трубецкой скончался 6 января 1930 года в Кламаре, небольшом городке в 10 километрах к юго-западу от Парижа.

Наверное одна из лучших эпитафий князю Григорию Николаевичу Трубецкому принадлежит Николаю Бердяеву: *«Он был человек смертельно раненый революцией, но в сердце его не было злобы и мести, которые терзают столь многих... Более всего поражала в личности князя Г. Н. Трубецкого необыкновенная его цельность в самую расколотую и разорванную эпоху, органичность его типа»*¹.

К. А. Залесский

---

¹ См. с. 22 настоящей книги.

Памяти кн. Г. Н. Трубецкого¹

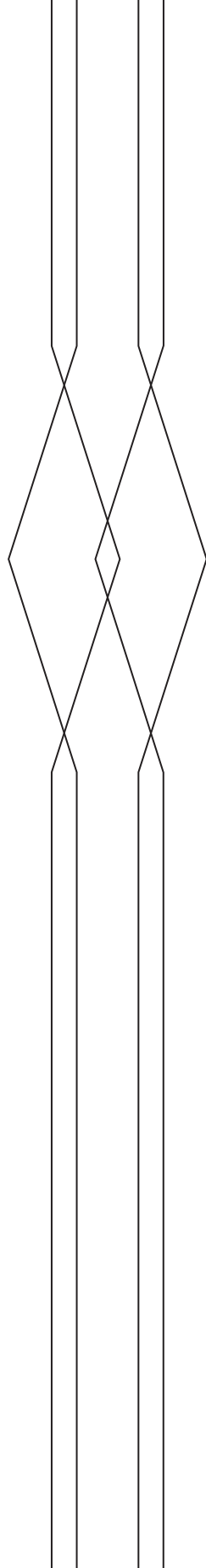
Умер благороднейший представитель старой России. Князь Г. Н. Трубецкой принадлежал к редкому у нас типу высококультурных, либеральных консерваторов. Если бы русский консерватизм был таков, как у князя Г. Н. Трубецкого, то, вероятно, Россия избежала бы многих катастроф. Враг крайностей, обладавший даром меры, он противился разрыву времен. Непримирымый противник революции — он никогда не был сторонником черной реакции. Он любил, прежде всего, Православную церковь и Россию и хотел служить этим вечным ценностям. Но ценность религиозная для него всегда стояла выше ценности политической, что не так часто встречается в эмоциональной атмосфере эмиграции. Дипломат в прошлом, потом активный участник Белого движения, он в последние годы был занят главным образом церковной деятельностью. Член Церковного собора, человек очень влиятельный в церковных кругах, он был горячим сторонником патриарха Тихона, о котором писал на страницах «Пути», и всегда старался поддерживать церковное единство. Стремление к церковному миру и единству, боязнь борьбы в Церкви делали трудным его положение в момент церковной распри. Как бы мы ни относились к взглядам князя Г. Н. Трубецкого, мы должны признать, что они всегда были очень искренни, всегда определялись его стремлением к правде, его любовью к Церкви и России. Я давно знал князя Г[ригория] Н[иколаевича], более двадцати лет. Еще ближе знал его брата, покойного философа князя Е. Н. Трубецкого. Семья Трубецких — одна из самых культурных русских семей. Редко бывает, чтобы в одной и той же семье два брата были замечательными философами, как то мы видим в лице князей С. и Е. Трубецких. В первые годы после моей высылки из России мы были в довольно близком общении с князем Г. Н. Трубецким, несмотря на расхождение во взглядах. Но в последние годы, после Карловацкого раскола, мы идейно очень разошлись и редко встречались, что не мешало мне сохранять глубокое уважение к князю Г. Н. Трубецкому. Благородство характера князя Г[ригория] Н[иколаевича] выразилось в том, что он готов был сознать свою частичную неправоту. Так, в одно из последних наших свиданий он поразил меня тем, что сознал свою неправоту в вопросе об отношении Церкви в эмиграции и Церкви внутри России. К этому

¹ Опубликовано: Путь. 1930. № 21 (апрель). С. 94–96.

сознанию привело его изучение антирелигиозной пропаганды в России, безбожной литературы и вызванного этими явлениями религиозного движения. С большим сочувствием относился он к христианскому движению молодежи и принимал в нем участие в качестве друга и советчика. Князь Г[ригорий] Н[иколаевич] очень болел расколом христианского мира, и его очень интересовало движение к сближению Церквей и вероисповеданий. Он принимал горячее участие в интерконфессиональных собраниях русских православных и французов католиков и протестантов, устраиваемых по русской инициативе. За несколько дней до своей внезапной смерти, он участвовал в интерконфессиональном собрании, на котором читал доклад отца С. Булгакова о Православной церкви, и участвовал в прениях. У него всегда был большой интерес и симпатия к католицизму и стремление к сближению, но с сохранением твердости и крепости православия. Князь Г[ригорий] Н[иколаевич] был человеком крепкого православного быта. Он сохранил его в условиях эмиграции. В его усадьбе в Кламаре была устроена православная церковь, которую мы жители Кламара всегда посещаем. У такого бытового православного интерес к сближению Церквей был показатель религиозной чуткости и отсутствие замкнутости. Князь Г[ригорий] Н[иколаевич] соединял крепкую веру и традиционализм с полным отсутствием фанатизма, с большей терпимостью. Это — очень редкое сочетание свойств, особенно в атмосфере, в которой нам приходится жить. Влияние его на окружающую среду было облагораживающее и умеряющее. Традиционализм князя Г[ригория] Н[иколаевича] был очень культурным, умеренным, терпимым, по-своему свободолобивым. Таких людей у нас очень мало, и утрата таких людей очень болезненна и чувствительна. Даже когда князь Г[ригорий] Н[иколаевич] был неправ и несправедлив, в нем не было злой воли, не было злой страсти, не было ненависти. Он был человек смертельно раненый революцией, но в сердце его не было злобы и мести, которые терзают столь многих. В жизни поражал он той необыкновенной простотой и бытовым демократизмом, которые свойственны лишь истинному аристократизму. Простота и скромность были его добродетелями. С ним связано было обаяние его личности. Возможно, что высший слой русского дворянства, окончательно разбитый революцией, не будет уже рождать такого благородного типа. Класс, пораженный революцией и оттесненный из истории легко озлобляется. После таких катастроф поколение детей может потерять уже высокое благородство породы и культуры отцов. Но память о таком благородном типе, выработанном длительным культурным процессом, должна всегда сохраняться. Память сама всегда есть признак благородства, забвение же признак неблагородства. Более всего поражала в личности князя Г. Н. Трубецкого необыкновенная его цельность в самую расколотую и разорванную эпоху, органичность его типа. Такой цельной, в лучшем смысле, детской была его вера. Таким людям легко умирать. И нелегко терять их оставшимся в живых в самую мучительную эпоху русской истории.

Н. А. Бердяев

**ОБЛИКИ
ПРОШЛОГО**

На днях (осенью 1925 года) мне попало следующее место из «Дневника писателя» Достоевского¹: «Любопытно, что у нынешней молодежи, у нынешних детей и подростков будет драгоценного в их воспоминаниях и будет ли... Главное, что именно... Какого рода...

Что святые воспоминания будут и у нынешних детей, сомнения, конечно, быть не может, иначе прекратилась бы живая жизнь. Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек... Но что именно будет в этих воспоминаниях, что именно унесут они с собою в жизнь, как именно сформируется для них этот дорогой запас — все это, конечно, и любопытный и серьезный вопрос...

Современное русское семейство становится все более и более случайным семейством. Именно случайное семейство — вот определение современной русской семьи. Старый облик свой она как-то вдруг потеряла, как-то внезапно даже, а новый... в силах ли она будет создать себе новый, желанный и удовлетворяющий русское сердце облик... Иные, и столь серьезные даже люди говорят прямо, что русского семейства теперь “вовсе нет”. Разумеется, все это говорится лишь о русском интеллигентном семействе, то есть высших сословий, не народном. Но, однако, народное-то семейство — разве теперь оно не вопрос тоже...»

Эти строки написаны в 1877 году. К этому времени относятся первые мои воспоминания, и я чувствую, что пришла пора мне привести их в порядок, для себя и для своих детей. Пусть они узнают, что в этом отношении опасения Достоевского не совсем оправдались, что были в то время, как они есть и сейчас и в России и за рубежом, не одни только «случайные семейства», но крепкие, органически выросшие и связанные с прошлым русские семьи. Пусть они прочтут эти страницы, в которых я хочу передать, как умею, «святые воспоминания», вынесенные мною из детства, и все, что моя память сохранила о дорогом прошлом, частью по рассказам — о членах семьи моих родителей, но главным образом из личных впечатлений и переживаний.

Я плохо помню года, факты, я не берусь писать семейной летописи и рассчитываю, что ее напишет сестра Ольга, если ей удастся получить собранные ею письма и документы. Я же постараюсь, как могу, восстановить хотя бы главные облики прошлого. Памятью о них я живу. Сумею ли я передать другим то, что мне дорого — это вопрос. Но то, что я пишу, это не литература, а пережитая жизнь. Я хотел бы, чтобы мои дети любовью связали с нею свою начинающуюся жизнь.

Семья моего отца

В своих очерках «Из прошлого»² мой брат Евгений художественно изобразил два типа старой дворянской России, к коим принадлежали семьи моего отца и моей матери: семья Трубецких — старого барского и военно-служилого покроя, где дети с малолетства получали военное воспитание. Мой дед князь Петр Иванович Трубецкой был таким типичным генералом Николаевской эпохи; его несколько карикатурно изобразил Лесков в своих рассказах, а брат мой восстановил в человеческих формах и как представителя крепкого старого уклада жизни. Порой он мог казаться самодуром, хотя, по существу, был добрым человеком. Военная выправка и феодальные традиции рода определяли его жизненный кодекс и быт жизни. Это своеобразно сочеталось порою со склонностью писать сентиментальные стихи — эпитафии и посвящения. Это была цельная фигура генерала-князя-помещика старой дореформенной России, которую он пережил на 10 лет, скончавшись в 1870 году³, 72 лет от роду. В молодости он был адъютантом фельдмаршала князя Витгенштейна и женился на его дочери⁴. У меня висел прекрасный портрет ее в молодости, кисти Доу, в соломенной шляпе с открытой длинной шеей, мечтательно согнутой и с кисейными открытыми рукавами. Но мечтательное выражение не было характерным для бабушки в зрелом возрасте. Она была энергичной, деятельной управительницей обширных поместий, по которым разъезжала и успешно хозяйничала, потому что дедушка занят был службой. Немка по происхождению, она, по-видимому, без труда превратилась в помещицу патриархального уклада — превращение, которое заставляет вспомнить портрет Лариной из «Евгения Онегина». Когда нужно было, она умела вспомнить, что она дочь фельдмаршала, ездила в Петербург и с большой энергией добивалась при Дворе чего хотела.

Все сыновья дедушки⁵, в том числе и мой отец, с семилетнего возраста отдавались на воспитание в Пажеский корпус⁶. Оттуда они писали старательным почерком письма своим родителям, поздравляя

«любезного Папеньку» и «любезную Маменьку» с днем их рождения и именин, и приезжали домой на короткую побывку летом. Семейной жизни настоящей у них не было. Кончая Пажеский корпус, они поступали в Гвардию, служили в Петербурге, в то время как дедушка был военным губернатором в Харькове, Орле, а под конец жизни первоприсутствующим сенатором в Москве.

О нравах в Пажеском корпусе я сохранил отрывочные воспоминания из рассказов моего отца. Мальчиков, провинившихся в течение недели, наказывали по субботам. Самым обычным наказанием была порка. Мой отец был в корпусе вместе со своим братом Павлом. Оба почти еженедельно подвергались этому наказанию. Иногда, один брат ругался за другого, и тогда в случае провинности одного, секли обоих. Между воспитателями был один немец, придумавший такую характерную шутку. В субботу, когда его окружала кучка учеников, между которыми предстояло распределять наказания, он вынимал дырявый носовой платок и сморкался в отверстие. Те, на кого попадало, считались счастливыми и освобождались от наказания.

Конечно, такие педагогические приемы типичны для того времени, но только по ним нельзя выносить окончательное суждение о тогдашнем Пажеском корпусе. Были у него и хорошие стороны. В нем воспитывалось крепкое товарищеское чувство на всю жизнь. Я видел тому примеры на некоторых товарищах по корпусу моего отца, с которыми ему пришлось вновь встретиться лишь на склоне лет. И товарищеские узы оказывались так сильны, что один для другого старались сделать все, что могли. Школа, вырабатывающая такой товарищеский дух, не может не иметь хороших сторон. В нее поступали дети лучших дворянских семей с крепкими семейными традициями, и она со своей стороны укореняла в своих питомцах чувство служебного долга и преданности монархии. Для всего поколения, воспитавшегося в тогдашних военных школах, обаяние императора Николая Павловича было особенно сильно. С его личным ореолом связывалось представление о мощи России.

В общем, однако, старорежимная система воспитания, отрывавшая детей от семьи чуть ли не с младенческого возраста и построенная на внешней дисциплине, предоставляла этих детей в значительной степени самим себе, игре их добрых и худых склонностей. Это сказалося на судьбе моего отца и его братьев.

Отец мой имел от природы добрую чистую душу. Это был Божий дар, который спас его от всех соблазнов и опасностей, которые были на пути всякого в его положении, кончавшего Пажеский корпус и пускавшего в омут светской полковой жизни с ее кутежами и увлече-

ниями. Тоже можно сказать о его брате-сверстнике Павле Петровиче¹, с которым он был особенно дружен в детстве.

Старший брат князь Петр Петрович^{II} был блестящий красивый гвардейский офицер. Расчетливая мать отпускала сыновьям деньги на скромное существование. Денег этих не хватало. Делались долги. Тогда дедушка решил женить сына на богатой невесте, нашей однофамилице, княжне Варваре Юрьевне Трубецкой, очень добродетельной и столь же некрасивой. Сын не захотел жениться, тогда дедушка отправил его служить на Кавказ, чтобы он там образумился. Молодому офицеру это скоро надоело. Он написал в Москву: «готовьте обезьяну», приехал и женился.

Разумеется такой брак не сулил прочности. Через несколько лет, когда у него были уже от этого брака две дочери⁷, князь Петр Петрович увлекся знаменитой в то время американской певицей^{III} и бросил свою жену. Последняя не соглашалась дать развод, что не помешало князю Петру Петровичу заключить новый брак за границей. Обстоятельство это, однако, заставило его экспатриироваться, потому что Государь Александр II запретил ему, как двоеженцу, возвратиться на родину, и в семье не признавали вторую жену. Князь Петр Петрович купил виллу в Италии⁸ и поселился там навсегда. Ему пришлось испытать тяжелое порою одиночество, потому что ни жена, ни дети не знали России. Впрочем, вторая жена князя Петра Петровича была, по-видимому, талантливой незаурядной женщиной. От этого брака у него родились три сына, из которых старший *Pierre* приобрел известность в Англии и Америке, как художник-портретист, второй *Paolo* всемирно известный скульптор, и наконец третий Джиджи — инженер.

Из всех сыновей Петра Петровича я лично знаю только *Paolo*. В конце 90-х годов прошлого [XIX] столетия он уже составивший себе довольно большую известность за границей, приехал в Россию и явился к нам. Было странно познакомиться с этим полуитальянцем-полуамериканцем, в котором было столько семейного сходства и общих черт характера.

Paolo был художником Божией милостью. В своем художественном творчестве он также решительно отрицал всякую науку. Благодаря этому, почти все его произведения отмечены самыми элементарными промахами и недостатками, часто резкой несоразмерностью частей. В маленьких статуэтках эти недостатки порою менее заметны, но как только приходилось небольшую модель увеличивать во много раз, так во

¹ Иване Петровиче (1825–7.11.1887). [Другие братья Николая Петровича (1828–1900)]: кн[язь] Сергей Петрович (1827–1832), кн[язь] Павел Петрович (25.12.1835–16.11.1914). — *Примечание старшей сестры автора Ольги Николаевны Трубецкой (1867–1947)*.

^{II} (1822–1892). — *Примеч. О. Н. Трубецкой*.

^{III} Имеется в виду пианистка Ада Винанс. — *Здесь и далее примечание редактора, если не указано иное.*

столько же раз вырастали все ее дефекты. В сущности, все его произведения были гениальными эскизами.

Отрицая всякую науку, рассудочное знание, Paolo признавал в искусстве только непосредственное восприятие жизни. Уловить и воспроизвести жизнь — вот единственная задача художника, которую он признавал. У Paolo какая-то своя религия жизни. Для него всякое посягательство на жизнь — грех. Поэтому он вполне последовательный вегетарианец, и всех, кто ест мясо он называет *animaux carnivores*^I, *cimetières ambulants*^{II}. Его тяготило, что к гипсу примешивается животное сало, и он успокоился только когда нашел итальянца, заменившего сало растительным маслом.

Поклоняясь жизни, Paolo бессознательно искал и поклонялся в ней правде. Самая лучшая и самая сильная сторона его творчества есть действительно та правда жизни, которую ему удалось уловить в жесте, выражении. Задравший хвост теленок, жеребенок, жмущийся к своей матке, мать с ребенком (моя сестра Марина), заснувший извозчик в санях, с клячей, опустившей понуро голову под снегом — все это движения, выхваченные из жизни. Безо всякой тенденции и какого-либо желания создать обобщающий образ — в силу одного стихийного таланта Paolo воспроизводил в лучших своих вещах образы материнства, или животной радости жизни, или, наконец, народный облик простоты, смирения и покорности судьбе в лице этого извозчика.

Его статуэтка [Льва] Толстого в русской рубашке с босыми ногами, или статуя императора Александра III на грузной лошади, которую придавил под собой могучий всадник, в котором чувствуется какая-то черноземная сила былинного богатыря⁹ — все это прекрасные идейные образа, хотя художник не преследовал никакой идеи, а хотел уловить только правду жизни. То же самое можно сказать о его статуе Данте¹⁰, которая дышит средневековой мистикой. Все это постигалось художником внутренним чутьем, хотя он был абсолютно лишен всякого образования, всякого рассудочного синтеза. Толстой очень ценил в Paolo его непосредственность и первобытность.

Вне области искусства у Paolo только одна наследственная страсть — к игре. Все, что он зарабатывает — он проигрывает, играя целые ночи напролет. А зарабатывает он значительные суммы. Никаких других интересов у него не существует. Его разговор поражает в этом отношении скудностью своего содержания и однообразием из года в год того, что он говорит. Встречаясь с Paolo с большими перерывами, иногда

^I Плотоядные животные (франц.).

^{II} Передвижные кладбища (франц.).

по несколько лет, я всегда слышал от него те же шутки и анекдоты, большей частью мои собственные, которые я ему рассказал 25 лет назад, а он их вспоминает. И все разговоры неизменно заканчиваются: *tu es un carnivore, un cimetièrre ambulant*¹, и т. д.

Другой брат моего отца, Иван Петрович, или как иначе его звали дядя брат Иван — был отчаянный неисправимый игрок. Он был женат на Екатерине Петровне Мельгуновой, которая имела большое состояние. Среда, из которой она вышла, была должно быть невысокая по культуре, разговоры и понятия ее были такие, какие могли бы быть у нянюшки. Когда она была богата, то имела страсть к туалетам, и заказывала их в огромном количестве, причем многие платья никогда не надевала, потому что так панически боялась микробов и почему-то воображала, что они поселились в ее туалетах.

Дядя брат Иван был большой любитель музыки. Он имел свой оркестр из дворовых, который исполнял даже симфонии Бетховена. Он жил в Симбирске, который был дворянским помещичьим городом в дореформенное время, и там вел широкую хлебосольную жизнь, закатывая балы и пиры на всю губернию. Его не возлюбил за это губернский предводитель, как опасного соперника, и однажды подвел под него опасную интригу. Это было, кажется, во время Крымской войны¹¹. Дядя брат Иван занимал какую-то должность по сбору ополчения, но продолжал свой прежний образ жизни. Предводитель возбудил дело о том, что он не находится на месте службы. Дядя сказался больным, была назначена медицинская комиссия, чтобы его свидетельствовать. Он слег в постель, как-то сумел выдать себя за больного, может быть пустил в дело для этого какие-нибудь убедительные аргументы, во всяком случае, получил свидетельство о болезни. Тогда его мать, моя бабушка, подняла страшный шум, как смели заподозрить ее сына — внука фельдмаршала, и предводитель не знал, как выбраться из каши, которую заварил.

Впрочем, мой дед сам вовсе не склонен был мирволить сыновьям, и однажды в ту же эпоху, будучи начальником обширного округа по сбору ополчения и имея в подчинении своего сына, он решил его проучить: дядя брат Иван задавал какой-то бал. В разгар бала к крыльцу его дома подъехала тройка с фельдъегерем, который привез приказ отца к сыну: немедленно сесть в тройку и ехать к нему с докладом. Пришлось бросить бал и гостей, и катить за сотни верст к отцу, который в вопросах дисциплины шутить не любил.

Вот этот самый благодушный и беспечный дядя брат Иван был, как я уже сказал, отчаянный игрок. Однажды он выиграл в Монте-Карло

¹ Ты — плотоядный ходячий кладбищенец (франц.).

миллион. Это и было несчастьем его жизни. После этого его страсть к игре все время подогревалась надеждой на выигрыш. Он спустил все свое состояние.

Братья заплатили его долги, потом в складчину обеспечили его новым порядочным состоянием, но он вновь спустил в игре все, что ему было передано, и братьям удалось сохранить только небольшую часть, проценты с коей выплачивали ему и его семье. Вдова его Екатерина Петровна доживала свои дни во Вдовьем доме¹² и по соседству часто приходила к нам на Пресню. У нее были необыкновенные рассказы, которые она говорила грустным и убежденным голосом. — «Представь себе, у нас во Вдовьем доме есть старушка такая древняя, что она помнит Александра Македонского». — «У нас во Вдовьем доме есть собака, которая вбежала в церковь и съела причастие. С тех пор, как позвонят к вечерне, она воет». Когда я кончал университет, она тем же грустным голосом советовала: «Попроси твоего папá устроить тебя смотрителем Вдовьего дома. Прекрасное место, квартира, и много можно получать на дровах. Только одно скучно — на Пасху надо христосоваться со всеми старушками, и некоторые подходят по два и по три раза». И все это говорилось необычайно грустно.

У дяди брата Ивана были сыновья, которые женились и имели свои семьи¹³. Круг их знакомых и друзей был свой, и мы совсем их не видали, но отец мой и тетушка Марья Петровна Зиновьева много о них заботились. Особенно много хлопот моему отцу доставлял «Женька» (Иван). Мой отец с редкой добротой пекся о нем, но приходилось прибегать к самым своеобразным приемам. Женька был добрый мальчик, но беззаботный кутила-пьяница. После долгих хлопот моему отцу удалось устроить ему службу на Кавказе. Перед отъездом для верности, чтобы он не закутил, мой отец просил генерал-губернатора посадить его на гауптвахту. Женька не протестовал, но когда мой отец посетил его на гауптвахте, то застал Женьку в одних штанах, остальную часть костюма он спустил, — и заливался песнями с гитарой. Тогда Женьку решили отправить на Кавказ в сопровождении верного человека, управляющего, чтобы не давать ему денег на руки. Управляющему было сказано, чтобы он расплачивался в пути за все, что пускай спрашивает себе еды, сколько хочет, но никаких напитков не оплачивать. Женька и тут нашелся. Сошелся в дороге с каким-то теплым малым, спрашивал двойную порцию еды для себя и для него, а попутчик за то поил его водкой... Так он доехал до Тифлиса, где главноначальствующий [гражданской частью на Кавказе] Шереметев и его помощник Татищев были оба товарищи моего отца по Пажескому корпусу. Татищев принял к сердцу Женьку и, в свою очередь, проявил самую большую

заботливость о нем, предупрежденный моим отцом о свойствах его характера.

Бедному Женьке не повезло. Он был назначен офицером пограничной стражи. Однажды во время погони за контрабандистами, он упал с лошади, получил удар копытом в грудь; у него сделалась скоротечная чахотка и он умер.

Сверстник моего отца князь Павел Петрович^I рано оставил военную службу, он был, по тогдашнему времени, скорее либерального (особенно в понятиях дедушки) направления. Он был гласным и Московским уездным предводителем дворянства, составил очень хорошую справочную книгу всех узаконений по предметам, с которыми приходилось иметь дело предводителям. Во время коронации императора Александра III он заменял губернского предводителя. По церемониалу надо было встречать Государя у заставы верхом. Павел Петрович взял себе на этот случай лошадь из цирка, рассчитывая, что будет всего спокойнее ехать на хорошо выездженной лошади. Каков его был ужас, когда в ту минуту, как он подъезжал к Государю, грянул оркестр, и лошадь пошла испанским шагом... Бедный Павел Петрович не знал что делать, но ему помогли справиться с лошадью.

После смерти своей жены (рожденной Иловайской)^{II} Павел Петрович переехал на юг, и жил то в имении Подольской губернии, то в Одессе, где купил дом. Его сын Саша страдал астмой и не мог жить на севере. Павел Петрович завел у себя в имении образцовую опытную станцию, которая приобрела известность. Он приезжал изредка в Москву. Он довольно сильно оглох с годами. Нас детей поражала ловкость, с которой он управлялся своим пенсне: от одного щелчка пенсне летело и садилось ему прямо на нос; от чуть заметного движения головы пенсне летело прямо в его боковой карман.

Павел Петрович был очень добрый и почтенный человек и смерть его уже в преклонных годах вызвала общее сочувствие и сожаление.

Был еще брат у моего отца — князь Александр Петрович^{III}, Харьковский губернский предводитель дворянства. Он был женат, если не ошибаюсь на Ивановской¹⁴. У него было две дочери¹⁵ — одна Маруся, вышедшая замуж за гусара фон дер Лауница, впоследствии Петербургского градоначальника, убитого революционером. Другая дочь [Эмилия] трагически погибла, при условиях, о которых дальше будет речь.

^I 7 лет разницы! [Князь Павел Петрович Турбецкой родился в 1835 г. и был на 7 лет моложе Николая Петровича Турбецкова (1828–1900)]. — *Примеч. О. Н. Турбецкой.*

^{II} Марии Григорьевны (в первом браке Иловайской). — *Примеч. О. Н. Турбецкой.*

^{III} (1830–24.02.1872). — *Примеч. О. Н. Турбецкой.*

Были и сестры у моего отца: Ольга Петровна^I, вышедшая замуж за князя Дмитрия Николаевича Долгорукова^{II}. От этого брака родились две дочери — Ольга, вышедшая замуж за Волжина, предпоследнего царского обер-прокурора Святейшего Синода, и Эмилия. Последняя была очень благочестива, часто ездила к Троице (Троице-Сергиевская лавра). В это время там славился старец Варнава, к которому многие обращались, как к руководителю во всех решениях, которые приходилось принимать в личной жизни.

Эмилия была у него как-то, кажется перед Пасхой. В это же время в Троицу приехал Алексей Алексеевич Хвостов, орловский помещик, тоже на поклон к о. Варнаве. Последний решил женить своих духовных чад, и сделал каждому из них соответствующее внушение. Они женились и были страшно счастливы. Алексей Алексеевич был губернатором, кажется в Чернигове. Он был у Столыпина во время взрыва его дачи на Аптекарском острове^{III} и совершенно оглох от этого взрыва^{IV}. У них родился сын, который так же, как и родители, в беженстве поселился в Сербии. Кажется, он слегка ненормален^V.

Другая дочь дедушки Елизавета^{VI} вышла замуж за управляющего своего имения —^{VII} Винклера^{VI}, швейцарца по происхождению. От этого брака было двое детей: Ольга, в замужестве Шадурская, потерявшая мужа во время эвакуации в Сербию, и сын которой^{VIII}, будучи совсем молодым человеком, заболел и впал в идиотизм. Его поместили в лечебницу в Швейцарии. Во время одного посещения своей матери, он ударил ее так сильно в грудь, что у нее от этого удара развился рак, и она скончалась^{VIII}.

Мне остается сказать о самой близкой сестре моего отца, которую мы горячо любили — Марье Петровне Зиновьевой.

История ее брака тоже характерна для этого поколения. В ранней молодости она была кем-то увлечена, но родители не сочувствовали предмету ее увлечения и запретили о нем помышлять. Тогда она объявила, что никогда и ни за кого не выйдет замуж. Между тем ее полюбил Зиновьев и открылся в своем чувстве дедушке. Последний благоволил

^I (1841–30.03.1876). — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{II} Ошибка автора: имеется в виду князь Алексей Юрьевич Долгоруков.

^{III} Сергей Алексеевич Хвостов (муж А. И. Унковской) был убит при взрыве на Аптекарском острове. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{IV} (1838–4.10.1908). — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^V сына домашнего врача Александра Эрнестовича. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{VI} (1838–23.02.1909). — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{VII} Александр. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{VIII} От воспаления легкого (которое при раке не прощает) по счастью без страданий. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

Зиновьеву и посоветовал ему поступить в Сенат в Москве, где он сам был первоприсутствующим.¹ Каждый день утром по делам службы Зиновьев являлся к дедушке с докладом. Он заставлял мою тетю в столовой за утренним кофе, и та угощала его, в ожидании предстоящего доклада. Видя в Зиновьеве маленького чиновника, подчиненного своего отца, тетя была с ним мила и любезна в противоположность к другим молодым людям, на которых враждебно смотрела, как на возможных своих претендентов. Так незаметно они сблизились, Зиновьеву удалось покорить ее сердце, и она вышла за него замуж.

Я узнал ближе тетю Зиновьеву, когда мы переехали из Калуги в Москву. Тетя давно уже овдовела и была бодрой свежей старушкой-бабушкой. Она на четыре года старше была моего отца и оба горячо любили друг друга.

Это было добрейшее существо с крепким складом души, старого закала и воспитания. Чувство долга было в ней непреклонно. Она никогда не позволила бы себе уклониться от него ни на йоту. Она выросла и умерла в старых простых понятиях беззаветной преданности престолу, считая священной особу Государя и всякую критику или осуждение его грехом. Она была религиозна и набожна тоже по-старому. Те же понятия руководили ею и в семейной и общественной жизни. При всей доброте, она была очень вспыльчива и не стеснялась высказывать свое негодование, когда была кем-нибудь недовольна. Она жила в типичном барском особняке в Борисоглебском переулке на Поварской. Передняя вела в огромный двусветный зал с хорами. Зал отделялся от гостиной аркой. Там всегда сидела за рукодельем тетя Маша в типичной обстановке [18]40-х годов с развешенными по стенам картинами-копиями собственной кисти. В зале и гостиной вдоль стен стояли всякие замысловатые часы с двигающимися фигурами и птицами. Это всегда занимало всех детей, которых к ней приводили.

Доброе горячее сердце, живость и отзывчивость — все это в соединении с большим семейным сходством с моим отцом, внушало и нам, его детям, нежное чувство к старой тете, хотя мы всегда немного посмеивались над нею. Тетя это как-то заметила, в начале нашего пребывания в Москве, и немного обиделась, но потом все это сгладилось; она неизменно добра была к нам, и мы имели к ней искреннюю горячую привязанность.

Муж моей тети скончался давно. Я его никогда не видел. Знаю только, что в свое время он был попечителем учебного округа, кажется

¹ Дедушка был губернатором в Орле, а Зиновьев был у него чиновником особых поручений. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

Харьковского. От этого брака родились сын¹ Николай Павлович и две дочери — Эмилия Бельгард и Марья Шамшева.

Молодость Николая Павловича была отмечена трагическим событием. Он был влюблен в свою двоюродную сестру, дочь князя Александра Петровича Трубецкого [Эмилию]. Мать долго не разрешала ему брака, как противного канонам церкви. Наконец, время и постоянство одержали верх и тетя согласилась. Николай Павлович полетел в деревню, где жила его невеста. Та, в ожидании жениха, надела белое платье. Внезапно у нее сделался молниеносный дифтерит^{II}. Она задыхалась. Позвали неопытного местного доктора. Тот решил, что необходимо немедленно облегчить дыхание, вскрыв опухоль в горле, и сделал это так неудачно, что у нее сделалось сильнейшее кровотечение и она скончалась. Когда Николай Павлович с радостным нетерпением влетел в дом, он нашел свою невесту уже на столе в том самом белом платье, которое она надела, чтобы его встретить.

Такой трагический исход романа произвел, конечно, сильнейшее потрясение в бедном Зиновьеве. Через некоторое время он уехал за границу. Если память не изменяет, у него была какая-то глазная болезнь. В семье доктора, у которого он лечился, он познакомился с Пашковским учением (баптизмом)¹⁸ и говорил, что «вместе с светом физическим он увидел свет духовный».

Вернувшись в Россию, Николай Павлович поселился в своем имении Орловской губернии и стал страстным хозяином. Все свои доходы он тратил на расширение и улучшение хозяйства, покупку скота, округление владения и т. д. Хозяйство Зиновьева приобрело известность. Вместе с тем он стал убежденным сектантом, и на почве пропаганды своей веры имел столкновения с местной администрацией, ибо в ту пору это строго воспрещалось.

Когда мы переехали в Москву из Калуги, Бельгарды жили с тетей Зиновьевой в ее доме в Борисоглебском переулке. Он был предводитель дворянства Ефремовского уезда Тульской губернии. Мы, дети, всегда прежде всего схватывали смешные стороны новых знакомых и родственников. Александр Карлович Бельгард, всегда необыкновенно корректный, звавший наших родителей «дядинька» и «тетенька», смеявшийся деревянным приличным смехом, выразивший тем, что говорил и шутил и всем своим существом крайнюю благонамеренность, был для нас неисчерпаемым поводом к передразниванию и смеху. Помню, как он, одна-

^I Два сына Николай и Петр Павловичи. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{II} У Эмилии был нарыв в горле, а не дифтерит. Она сильно страдала, но в последний момент надела белое платье. Земский врач предложил проткнуть нарыв и сделал это восковой свечой. Гной хлынул [неразборчиво] Эмилия задохнулась. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

жды, развеселившись, перешел со мною, гимназистом, на «ты» и, выпив брудершафт, сказал: «Пошел вон, свинья» и засмеялся своим приличным деревянным смешком. Я много раз повторял эту сцену сестрам. Только позднее, когда я стал старше и перестал судить людей по маленьким смешным сторонам, я понял, каким прекрасным благородным человеком был Бельгард. И он и жена его, моя двоюродная сестра, были редкой доброты, и кажется были просто неспособны кого-либо обидеть. Это была семья старомодного дворянского уклада с такими же простыми крепкими взглядами на все, какими жила моя тетя Зиновьева. У них были две дочери, обе высокие, крупные. Старшая, Маня, была скорее красива, *une belle fille*¹. Девушкой она имела успех. В нее был влюблен внук поэта Пушкина¹⁹. Не знаю, стал ли он ее женихом, или только рассчитывал на взаимность, но когда она предпочла ему князя Святополк-Мирского (Дмитрия Николаевича), Пушкин застрелился, и я помню, какое тяжелое впечатление это на всех произвело. Она может быть вела себя с ним легкомысленно по молодости, но по существу была хорошая, и счастливо прожила со своим мужем. Я почти не знал последнего. Он был членом Государственной думы, крайне правым, и соединял большую образованность с ретроградством, доходившим до парадоксальности. Он в Думе оплакивал уничтожение крепостного права. Мирский редко выступал, но когда говорил, то все его слушали, потому что его мнения были всегда оригинальны и занимательны. Вторая дочь Эмилия не вышла замуж и жила с родителями. Революция в своем вихре сломала всю эту семью. Александр Карлович и обе его дочери в разное время скончались, но кажется все^{II} от сыпного тифа²⁰. Осталась моя двоюродная сестра в Москве, одиноко заканчивающая жизнь, которая была так полна счастьем для нее до последних лет. Она живет со своей сестрой Шамшевой. Весной 1929 года получил известие, что Эмилия выехала из Москвы и проживает в Польше, в имении брата ее зятя князя Михаила Николаевича Святополк-Мирского.

Если кто возбуждал вечно нашу смешливость, то это, конечно, супруги Шамшевы, своей феноменальной глупостью, каждый по-своему. У них были голоса еще более глупые, чем то, что они говорили. Они были помещиками Орловской губ[ернии], зиму проводили в Орле и только наезжали в Москву. У них было много детей. Маша Шамшева была более, чем легкомысленного поведения, но была так добродушна и глупа, что с нее нечего было взять. Ее муж, Петр Иванович^{III}, любил бла-

^I Красивая девушка (франц.).

^{II} Александр Карлович скончался от грудной жабы [стенокардии] в Москве, куда приехал с женой после кончины дочерей, которые скончались друг за дружкой: [Мария Святополк-]Мирская в Кишиневе, а Эмилия в тюремном лазарете в Ростове. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{III} Автор ошибается: Петр Николаевич Шамшев (1868–1943).

гонамеренно рассуждать. Помню, как однажды, тетя Зиновьева, всегда необыкновенно терпеливая и никогда не позволявшая себе ни на минуту распуститься, пожаловалась на ревматическую боль, должно быть действительно изводящую, если она о ней сказала. «Но маменька, — заметил благонамеренный Петр Иванович, — физические страдания не могут сравниться с нравственными». — «Кто тебе говорит о нравственных страданиях», — вспылила на него добрая тетя, и так на него прикрикнула, что Петр Иванович совсем смешался. Он никак не рассчитывал на такой эффект своего благонамеренного замечания.

Старшая дочь Шамшевых вышла замуж за графа [Сергея] Комаровского, отец коего [Леонид] был профессором международного права в Москве. Это была также очень благонамеренная и правая семья. Другая дочь вышла замуж за Мостового. Сын Петушок женился.

Кроме потомства моего деда у нас были менее близкие родственники по моему отцу. В Москве проживала вдова князя Алексея Ивановича Трубецкого (брата моего деда) — княгиня Надежда Борисовна Трубецкая, рожденная княжна Святополк-Четвертинская. Она дожила свой век в нижнем этаже дома, принадлежавшего раньше ее мужу в Знаменском переулке²¹, но проданного им купцу Сергею Ивановичу Шукину²², который занимал большой нарядный бельэтаж, с крупными гербами Трубецких на плафоне. У него была большая галерея современной французской живописи вплоть до кубистов. Княгиня Надежда Борисовна была красивая старуха с тонкими благородными чертами лица. Нас детей возили к ней на поклон на Рождество и на Пасху, и кроме того, она появлялась на семейных свадьбах. Ее «подымали» как семейную Иверскую. Умерла она 93 лет от роду.

Другой такой же представительницей старой Москвы была другая старая тетка моего отца, Прасковья Алексеевна Муханова, жившая в старом особняке на Косогоре во дворе в одном из переулков Пречистенки. Прасковья Алексеевна, казалось, сходила из рамок старинного портрета на праздники. Начиная с двора, казалось, что попадаешь в какое-то давно отжившее время. Впечатление это усиливалось при входе в переднюю. Дверь отворял древний лакей, на деревянной длинной скамье лежала смятая подушка, на которой, очевидно, он только что отдыхал. Особый запах, тоже старинный, стоял в доме. Прасковья Алексеевна в белом чепце сидела в креслах и размеренным старческим голосом вела разговор такой же, какой в свое время вела, вероятно, ее бабушка, когда она сама в молодости ходила к ней на поклон. Помню ее рассказ, как к ней ночью в спальню залез вор через окно, перепугал ее до смерти, обобрал все, что попало под руку. Бедная старушка неподвижно и беспомощно на все это смотрела, но главная гадость вора заключалась в том, что он не

закрыл за собой окна и простудил Прасковью Алексеевну. Она даже не позвонила, потому что все ее слуги были ее современниками, и не проснулись бы на звонок. *Depuis lors j'ai pris à mon service un jeune homme de soixante ans*^I, — добавила она. Прасковья Алексеевна, ее дом и слуги были словно уголок Грибоедовской старой Москвы. По своей смерти Прасковья Алексеевна завещала свой дом под какую-то богадельню²³.

Была еще многочисленная семья Шаховских. Дочь князя Николая Ивановича Трубецкого^{II}, другого брата моего деда, которого звали *le pain jaune*^{III} и который ведал Кремлевскими дворцами, [Наталья Алексеевна] вышла замуж за Шаховского. У них было прекрасное состояние, которое Шаховской совершенно расстроил неудачными комбинациями. У него было, если не ошибаюсь, около 2 миллионов рублей. Он решил каждому из детей оставить состояние такой же ценности, для чего прибег к очень простой комбинации: покупал крупное имение, закладывал его, на эти деньги покупал другое имение, и т. д. В результате на его имениях лежал крупный долг, оборотного капитала для ведения хозяйства не было никакого. Неудивительно, что такой способ ведения дел привел к полному разорению. Шаховские были очень стеснены в средствах и захудали.

Одна из дочерей вышла замуж за архитектора Родионова. Он был хороший человек, но недалекий и довольно бездарный архитектор и не очень толковый. Мой отец, бывший почетным опекуном и ведавший Елисаветинским институтом и Павловской больницей, устроил его архитектором, кажется, в институте. Родионов часто являлся по утрам с докладом к моему отцу, который относился к нему всегда заботливо, но нередко сердился на его бестолковость. Родионов был не без претензий на «изящные» манеры, а в дворянском собрании всегда был в партии крайних консерваторов^{IV}. Благодаря протекции, ему была поручена архитектурная реставрация Успенского собора перед коронацией императора Николая II, и он навлек на себя большое негодование ревнителей старины, пробив окно в стене Собора для коронации.

Была еще у моего отца двоюродная сестра Всеволожская^V, жившая с мужем в Петербурге. Кроме того, было родство со стороны бабушки, рожденной Витгенштейн, в Италии, Германии и Австрии. Мы их совсем

^I С тех пор я взяла молодого человека шестидесяти лет (франц.).

^{II} В данном случае имеется в виду не Николай, а другой его брат Алексей Иванович Трубецкой.

^{III} Желтый карлик (франц.).

^{IV} [Родионов] остался в Москве при большевиках и в 1925 [г.] заведовал Нескучным дворцом [Александринским дворцом в Нескучном саду], где организовал «Музей стула» [Музей мебели]. Туда была перевезена лучшая мебель из Гагаринской [усадьбы] на Новинском бульваре. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^V Екатерина Николаевна Всеволожская (дочь Николая Ивановича Трубецкого, *le pain jaune*). — Примеч. О. Н. Трубецкой.

не знали. Живя в Москве и будучи очень русской семьей, дружной и многочисленной, мы, естественно, утратили связи с иностранцами.

В Уши подле Лозанны²⁴ жила княгиня Леонилла Ивановна Витгенштейн, рожденная княжна Барятинская. Она была сестрой фельд-маршала Барятинского и вышла замуж за брата моей бабушки [Льва Витгенштейна]. Будучи в Швейцарии в 1905 году я познакомился с нею на склоне ее лет. В молодости она слыла знаменитой красавицей, ее портрет изображали на разных предметах. Она сама однажды в гостинице увидела ковер со своим изображением. Муж ее вернулся в Германию, где был владетельным князем²⁵. Выехавши с ранних лет за границу, Леонилла Ивановна перешла в католичество. В старости она сохранила красоту и была *grande dame* в полном смысле этого слова. Она была необыкновенно живая, отзывчивая, всем интересовавшаяся. Россию она покинула в царствование императора Николая Павловича, который был в числе поклонников ее красоты. Она продолжала живо интересоваться тем, что делалось в России. Когда в 1905 году мой старший брат Петр, бывший одновременно с нами в Швейцарии, приехал к ней, она спрашивала его про политическое движение, приведшее к Манифесту 17 октября. Мой брат не был из крайних правых, но тетушка, которой в это время было 89 лет, нашла его недостаточно передовым. Помню, что когда потом в Москве я рассказал это моей тете Зиновьевой, которая приводилась ей племянницей, в доказательство того, какую свежесть она сохранила, тетя Зиновьева спокойно заметила: «Бедная тетя, я думала, что она действительно свежа, а она просто впала в детство». Княгиня Леонилла Ивановна пережила и тетю Зиновьеву и все поколение моего отца, и скончалась 102 лет, в 1918 году. В первый раз у нее заболел зуб, когда ей было 96 лет, она позвала зубного врача, но тот ей сделал больно, и она прогнала его. Она помнила императора Александра I. По дороге в Таганрог, где он скончался, император останавливался в великолепном поместье Барятинских — Ивановском. Леонилле Ивановне было 9 лет, и она живо помнила, как Государь гулял с нею утром по их парку. Ей минуло 100 лет в 1916 году, в разгар войны. Она торжественно отпраздновала свой юбилей, принимала депутации и свое потомство до взрослых правнуков включительно и получила в этот день поздравления по телеграфу от Государя, императора Вильгельма (II) и от Папы (Бенедикта XV). До кончины она сохранила всю ясность духа и живость сердца.

Я был у ее дочери княгини Киджи в Риме, в великолепном Дворце Киджи¹, где висит знаменитая деревянная лампа, работы Рафаэля, из анге-

¹ Ныне этот дворец продан итальянскому правительству и в нем помещается Министерство иностранных дел. — Примеч. автора.

лов и прекрасная картинная галерея. Из рода Киджи бывали Папы и эта семья сохранила наследственные прерогативы в Ватикане. Когда собирается Конклав для выбора Папы, то всегда старший представитель этой семьи запирает кардиналов и освобождает их, только когда выбор кончен.

Другие члены семьи Витгенштейн, как я уже сказал, имеются в Германии и Австрии. Двоюродная сестра моего отца, Витгенштейн вышла замуж за канцлера Гогенлоэ, который был в родстве с императором. Ей принадлежали громадные поместья в Минской губернии и великолепный дворец под Вильной «Верки». Когда я служил в нашем посольстве в Берлине в 1901 году, мне пришлось познакомиться с одним из сыновей канцлера Гогенлоэ — моим троюродным братом.

Семья моей матери

Постараюсь теперь записать все, что помню о семье и родстве со стороны моей матери, рожденной Лопухиной. Мой дед и бабушка Лопухины так же, как и Трубецкие, скончались до моего рождения, и я знаю о них только по рассказам. Как я жалею теперь, что не больше расспрашивал о них всех. В молодости эти вещи не так близко затрагивают, и не заботишься о сохранении воспоминаний. А потом, когда отношение меняется, то оказывается уже поздно. Свидетели минувшего уже ушли, и живые события и черты быта предаются бесследному забвению. Если б беспечная молодость знала, как грустно становится, приближаясь к старости, этот разрыв с прошлым, то она, может быть, не упускала бы этих нежных и дорогих связей с теми, кому идет на смену. Это и побуждает меня занести на бумагу хотя бы обрывки прошлого, сохранившегося в памяти по рассказам.

По счастью, мой брат Евгений, который помнил по личным воспоминаниям тех, кого я уже не застал, начертал такие прелестные их образы, что я не буду повторять и ухудшать нарисованные им портреты, а только постараюсь дополнить фактическими подробностями.

Трубецкие были представителями сановного военного барства старого уклада, Лопухины принадлежали к среднему помещичьему дворянству, состоя, однако, в близкой родственной связи со знатью, по Оболенским. Бабушка, Варвара Александровна Лопухина, была рожденная Оболенская. В этой семье получал иллюстрацию афоризм Кузьмы Пруткова²⁶: «В Петербурге живем мы, а в Москве живут наши родственники». Этот афоризм был характерен для кичливого, придворного и чиновничьего Петербурга, который считал, что в нем соль земли, он двигает государственной жизнью, он это — «мы», а Москва — провинция,